

Письмо г-на П. ГРОЗА и г-на Г. ТАТАРЕСКУ
на имя И. В. Сталина
Председателю Совета Народных Комиссаров
Союза ССР Маршалу Советского Союза
И. В. СТАЛИНУ

Господин Маршал,

После акта 23 августа 1944 г., по которому Румыния присоединилась к Объединенным Нациям, чтобы вести войну против общих врагов, горячим желанием румынского народа было увидеть себя снова в пределах Трансильвании, часть которой была у нее несправедливо отобрана. Эта провинция была освобождена благодаря героизму Красной Армии в тесном сотрудничестве с румынской армией, и румынский народ Северной Трансильвании ожидает с нетерпением дня своего воссоединения в границах Румынии.

Румынское Правительство имеет честь обратиться к Правительству Союза Советских Социалистических Республик и к Высшему Советскому Командованию с просьбой исполнить это желание румынского народа.

Румынское Правительство полагает, что Администрация, которую оно установит в этой области, будет заботиться о защите прав национальностей, там живущих, и будет руководствоваться в своих действиях принципами равенства, демократии и справедливости по отношению ко всему населению.

Оно также будет заботиться о поддержании полного порядка для того, чтобы ничто не смущало правильного функционирования всех учреждений, обслуживающих боевой фронт.

Румынское Правительство надеется, что его ходатайство найдет отклик и благоприятное разрешение со стороны Правительства Советского Союза и Высшего Советского Командования.

Просим Вас, господин Маршал, принять уверение в нашем совершенном уважении.

Председатель Совета Министров П. ГРОЗА.

Вице-Председатель Совета Министров и
Министр Иностранных Дел Г. ТАТАРЕСКУ.

Бухарест, 8 марта 1945 года.

Ответ И. В. СТАЛИНА г-ну П. Грозе
и г-ну Г. Татареску

Председателю Совета Министров Румынии
Петре ГРОЗА

Копия: Вице-Председателю Совета Министров и Министру
Иностранных Дел Г. Татареску.

Бухарест.

Господин Председатель,

Советское Правительство рассмотрело просьбу Румынского Правительства, изложенную в Вашем письме от 8 марта, относительно установления Румынской Администрации на территории Трансильвании.

Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной новое Румынское Правительство берет на себя ответственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское Правительство постановило ходатайство Румынского Правительства удовлетворить и, в соответствии с Соглашением о перемирии от 12 сентября 1944 года, согласиться на установление в Трансильвании Администрации Румынского Правительства.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
И. СТАЛИН.

Москва, 9 марта 1945 года.

Обмен письмами между Премьер-министром Румынии г. П. Грозой и Председателем Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталиным по вопросу о Трансильвании является событием большой политической важности. Это событие найдет широкий отклик в румынском народе и далеко за пределами Румынии.

Как известно, еще в начале апреля 1944 года, когда Красная Армия только перешла границу Румынии, Советское Правительство предъявило Румынскому Правительству условия перемирия, в которых настаивало на разрыве с немцами и совместной борьбе против немецких фашистов в целях восстановления независимости Румынии. Уже тогда Советское Правительство заявило, что оно не только согласно на аннулирование решения венского арбитража о Трансильвании, но и окажет Румынии помощь в деле освобождения Трансильвании. Эта позиция Советского Союза нашла свое подтверждение в Соглашении о перемирии, заключенном в сентябре 1944 года между Правительствами Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Румынии, с другой.

Красная Армия-освободительница изгнала немецких захватчиков с румынской земли. Очищенная от гитлеровских оккупантов, Румыния получила возможность свободного развития своей государственности.

Красная Армия изгнала также немецко-венгерские войска из Трансильвании, на территории которой начала действовать Румынская Администрация. Однако вскоре выяснилось, что под покровительством этой Румынской Администрации на территории

Трансильвании подняла голову подпольная агентура немцев, которая производила диверсии, разрушение путей и занималась всякого рода саботажем, направленным против советских войск. Кроме того, в Трансильвании были брошены так называемые добровольческие отряды имени Маниу, впитавшие в себя железногвардейцев и всякий реакционный сброд из хулиганских элементов. Эти банды устраивали в Трансильвании резню венгров и в разжигании реакционных предвзвешенных видели свою главную цель. Прежнее румынское правительство не только не боролось с этими преступлениями, но, наоборот, покровительствовало им. Созданная румынскими властями в Трансильвании обстановка была чревата самыми серьезными последствиями, ибо она создавала опасное беспокойство в тылу Красной Армии.

Честное отношение к условиям перемирия было, конечно, несовместимо с такой политикой администрации в Трансильвании. Преступные действия руководства национал-царанистской партии во главе с Маниу и правительства Радеску являлись явными нарушениями Соглашения о перемирии, предусматривавшего, в частности, немедленный роспуск всех находящихся на румынской территории прогитлеровских (фашистского типа) политических, военных, военизированных, а также других организаций, ведущих враждебную пропаганду.

Советское Главнокомандование в Румынии вынуждено было положить предел бесчинствам и преступлениям этих банд, навести порядок и спокойствие в Трансильвании. В связи с этим дела Администрации в Трансильвании были переданы в руки советских военных властей.

ПОЭМА О ВОЖДЕ

Г. ЛЕОНИДЗЕ «Сталин.
Детство и отрочество». Эпопея. Перевод с грузинского
Н. Тихонова. Гослитиздат.
1944. 141 стр.

«Грандиозная задача—воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь который видны миры и эпохи, — писал Анри Барбюс в своей книге о Сталине.—Следуя за ним по путям его жизни, мы вступаем на почву истории, мы бродим по нехоженным дорогам, мы соприкасаемся с еще неопубликованными главами библии человечества. Документы стекаются, нагромождаются со всех сторон. Их слишком много, и слишком многое открывается перед нами в этих обновленных горизонтах. Приходится прорубаться сквозь факты и документы, приходится постепенно расчищать просеки в этой еще горячей, еще взволнованной и живой энциклопедии».

Автор эпопеи «Сталин», грузинский поэт Г. Леонидзе, поставил перед собой задачу — дать поэтическую летопись эпохи, родившей вождя партии и народа, дать образ человека, с чьим именем связывается наше представление о величайших идеях и событиях современности. Задача эта трудна и сложна.

Первая часть поэмы Г. Леонидзе еще не позволяет составить полное и окончательное суждение о всем труде поэта. Но и опубликованная часть эпопеи показывает, что автор стоит на верном пути. Глубокая и искренняя любовь к стране и народу; породивший героя поэмы, определила лирическую силу стихов Г. Леонидзе.

Перевод эпопеи с грузинского на русский язык сделан Николаем Тихоновым.

Первая часть эпопеи состоит из пролога и двух больших глав — о детстве и отрочестве Иосифа Виссарионовича Сталина.

В прологе автор дает картину Грузии — родины вождя, с ее горами, реками, чудесными садами, старинными городами и горными селениями: «Горы стоят высокие, Как из потопа взмытые, Снегом посыпан голову, Телью орла накрытые». На протяжении многих веков грузинский народ в кровопролитных битвах отстаивал свою родину от иноземных завоевателей. Древние города Грузии, такие, как Гори — место рождения Сталина, — это славные памятники борьбы отважного народа с полчищами Александра Македонского и Чингисхана, с ордами, стремившимися в плодородные долины из аравийских пустынь, из Персии и Турции.

«Нас враги покорить не сумели, Хоть терзали и гнали жестоко, Дух свободы в лесах и ущельях, В сердце гор затаялся до срока».

Скорбно звучат слова поэта о временах, когда царизм подавлял стремление грузинского народа к национальному самоопределению, когда его культура, национальный язык вытравлялись колонизаторами. Но автор видит и другую Россию — передовую, революционную Россию, борющуюся с деспотизмом, рабством и произволом во всех его формах, борющуюся за то, чтобы Россия перестала быть «тюрьмой народов», чтобы каждый народ смог устроить свою жизнь в соответствии с высокими идеалами человеческой свободы и социальной справедливости.

Таково содержание пролога. В первой главе автор рассказывает о детстве человека, с именем которого связаны великие революционные преобразования и в жизни Грузии и в жизни всей нашей страны.

Поэт говорит о родителях Сталина, простых и честных тружениках, о его деде, задавленном непосильной работой на крепостника-помещика. Он говорит о горных крестьянах, о рабочем, о плотнике, о портном, о кузнеце, о плотовщике — о людях труда, в среде которых родился гений человечества. Хороши странный, рисующий этих людей, собравшихся в бедной хижине сапожника Виссариона Джугашвили и его жены Екатерины у колыбели их

новорожденного сына:

«Петуха тут в дом приносят, — Бдительным пусть мальчик будет, Ласточку у рта пронесут, — Как она, пусть быстрым будет. Ставят соль у изголовья, — Пусть он мудрым в жизни будет, Сахар на сердце положен, — Пусть всех любящим он будет. Под луной он спит погожей, — Пусть он крепотельным будет. В колыбель кладут железо, — Непокоримым будет».

Радость привела друзей в скромную хижину Джугашвили; но к радости примешивается боль израненных сердец, и печальны песни, которые поются гостями над колыбелью младенца.

Горько жадуются крестьяне на свою судьбу: они еще не знают путей к иной, радостной доле. Но в словах горничного железнодорожника уже слышны ноты протеста, звучит призыв к борьбе: «Стонем мы, в оковах ноги... Стоном бой не выиграть, братцы! Восставать пора, довольно Нам в ногах господ валяться!».

Глубоко патристичны песни о народной доле, предания старины, легенды о народных героях, которыми баюкают ребенка бабушка и мать. Эти песни и сказания составляют содержание главы «о детстве героя поэмы. Ими навеяны и сны маленького Сосо. Во сне он видит своего деда Заза Джугашвили — храброго грузинского воина. Он видит и себя в рыцарском строю над Курюю, в поединке с врагами.

«Но, пока изрод еще не знает, Чуж сердцем гения свободы, Что огонь для каждого зажжет он, Сам рожденный гением народа».

В главе «Отрочество» автор изображает вступление героя эпопеи в сознательную жизнь.

Автор рисует портрет, характер, интересы Сосо:

«Он быстрее стрелы крылатой, А на лбу вихор лохматый. Кто нацелил битку прямо В цель, в орех попасть упрямо? На одной ноге скакал он, Бился в «чужихах», упорно — Горю, кто в игре попался Под ремень его проворный. Ястребенка удалого Гибче он, он первый в школе; Сын единственный, такого Пусть судьба хранит и холит. Он растет не как другие, Что лишь заняты игрою, — Выше всяких книг обычных Ставит книги о героях... Малыша, что сел, склонившись, Красят сомкнутые брови, Задумавшая улыбка. Легких губ рисунок ровный.. Весь овал лица грузинский, И глаза, где смех искрится, На орлиный взор похожи... Сам худой и бледнолицый, Но зато он крепко скроен, Он проворный мальчик, стройный, Непреклонный и отважный, Быстрый, резвый, беспокойный».

Еще до школы он постиг азбуку и в школу идет так радостно, «как не ходил досель». Но как же он был обманут этой школой! «Эта школа? Нет, темница для души и для ума их». Здесь дети попадают в лапы царского чиновника — учителя. Он не терпит проявления мысли в школе. Как крамолу он воспринимает каждое слово, выходящее за рамки узкой школьной программы. «И с тоской глядит ребенок. Вот учитель — так мучитель!».

На меня кричит сердито Кизилбаш невыносимый, Я хочу служить народу, Верю в мой народ любимый, — Душит мысль рука уroda, Леденит неумоимо. Запрещен язык грузинский, Уличным наименован, Горю тем, неосторожным, Кто шепнет родное слово. Говорят, чтоб не пострадал, — Все на пальцах под него».

Но даже этот учитель, который кажется мальчику кизилбашем, то есть разбойником, не смог устоять в нем страсти к знаниям. Он жадно впитывает эти знания. Как в уличных боях был он первым, так и в школе он ведет за собой сверстников. Он подает им благородный пример дружбы. О нем говорят ребята: «Помогал чертить мне карту. — Объявлял он мне задачи. — И меня бодрил в учебе».

— Сним стал видеть все иначе!

— Мне читать давал он книги. — А меня он сделал смелым. — Много слов мне разъяснил он. — Палаван я стал умелый».

Со страниц грузинских классиков встает чудесным видением мир героев народного эпоса, их голоса — голоса героев отечественной истории — волнуют слух пылкого мальчика:

«Сладость слова стихового, Как дурман, его пьянила. Сказ любил он, трепетал он Пред Шота певучей силой».

Его пленяет романтика произведений Александра Казбека и Важа Пшавела. Впоследствии, став профессионалом-революционером, он сделает одним из своих псевдонимов имя Коба — героя романа Казбека. Пока же Коба, Яго, Како и другие герои любимых книг входят в его мечты, в его детские игры со сверстниками.

«Мечтал о неукротимых, О людях дел исполненных, О Коба, о побратиме, Любимые души грузинской».

Над сельской дорогой Гори, Лишь тихий сумрак задышит, Вдоль улицы, ах подыавни, Крадетесь Сосо неслышно. Стрелу пускает из мрака: — Возьми же себе в награду! — Я — Коба, и я за Яго, Обонм отстали, как надо! Так борется он за правду, И с ним побратимы оба, Пылает детское сердце, Как жаркое сердце Коба. И он играет не просто

В Арсена, с толпой ребячий, Чтоб быть такого же роста — На цыпочках ходит мальчишка. Благодаря книгам растет и расширяется душевный мир героя поэмы. Книжки помогают ему познать минувшее, они вооружают его невинностью к мрачной, гнетущей действительности.

«Что-то новое, иное Раздувало мысли пламя, И детей растят, — он понял, — Не людьми, а лишь рабами. Смотрит он, и на две части Раскололся мир прекрасный, Смотрит он, и сердце болью Обжигается неясной».

В конце главы об отрочестве показан Сосо Джугашвили среди крестьян. Крестьянам кажется, что существующий порядок изменить невозможно. Сгоревшие они говорят: «Эх, где бог наш замешкался, Как рождался людям мы! Давит снуду нам подати, Вот и стоим под ними... Бог с царем и помещиком Как подымутся трое, Как с тремя ты поборешься? Сломить голый рукою?»

Проникновенные слова находят Леонидзе для заключительной картины. Вечер в поле среди гор Карталини. Окончена жатва. Жнецы просят Сосо: «Спой нам что-нибудь, боль врачует песней...» «Я точу, точу, сери, тебя! Сери железа ты нашего! — Пел Сосо зноющим голосом. — Ты vedi нас, покаивай!» Песню подхватывают жнецы: «И все пели: «Коси, охоты Жнецы от тьмы нависающей, Ты оружие первое За свободу шагающих».

Вслед за Сосо поют жнецы, взмывая сернами, как оружием, боевую крестьянскую песню, зовущую к борьбе с помещичьими князьями: «Вперед же поющих всех Он, сверкая лицом, идет, Это песня, нль боя клич? Это ветер, нль бури влзет? Сердце, взрывом взметенное, Кровью рана, вскипела яроу, — Небом Гори орел летел Над горнякской крепостью старою. Солнце уходит, подобрал лучи, Вот звезда уж блеснула ранняя, Солнце уходит...

Солнце вновь взойдет — Еще ярче, еще багряннее!»

Так заканчивается первая часть художественного произведения Г. Леонидзе.

Появление эпопеи «Сталин» особенно знаменательно в наши дни, когда осуществлялись победы моральных принципов социализма и демократии в историческом столкновении с человеконенавистнической идеологией фашизма.

Произведение Г. Леонидзе — значительное явление в советской поэзии.

И. РЯБОВ.